

— Сяо Чэн, ради учителя, умоляю тебя в последний раз, обязательно выручи меня! — бодрый старик старше пятидесяти лет жалобно заглядывал в глаза стоявшему к нему спиной мужчине и умолял о помощи.

— Старик, совсем потерял стыд и совесть, у тебя хватает наглости приходить сюда снова и снова? Ещё несколько лет назад ты говорил ровно то же самое.

Мужчина, которого называли Сяо Чэном, повернулся, явив миру изящную фигуру и лицо такой невероятной красоты, от которой любой в Поднебесной потерял бы рассудок.

Первый Молодой Господин Поднебесной: ходили слухи, что его владение мечом не знает равных, а красота превосходит всех на свете — и это, судя по всему, правда. Вот только истинное его имя — Цин Чэн — знали лишь единицы.

— Сяо Чэн, неужели тебе не нужна картина Июня? — с наипускной горечью спросил старик. — Эх, картины Июня — это вершина мастерства, одухотворённая и живая. Жаль лишь, что в нынешнем мире больше не сыскать столь искусного в живописи человека, не говоря уже о том, как мало его полотен дошло до наших дней. К тому же, для тебя картина Июня — разве не бесценное сокровище?

— Старик, ты можешь перестать нести чушь? — Цин Чэн обернулся, слегка опустив голову, и с явным раздражением посмотрел на человека, который именовал себя его учителем. От него исходила такая плотная жажда убийства, что с ней, пожалуй, с трудом справился бы даже истинный мастер.

Старик испуганно отпрянул и с суеверным ужасом покосился на несколько древесных листьев, застрявших в столбе за его спиной, после чего с недовольством рявкнул на вновь погрузившегося в холодное равнодушие Цин Чэна:

— Ты что, решил убить собственного учителя? Какое неуважение! И вообще, откуда в комнате взялись листья? И впрямь чудак...

— Что на этот раз? Если не скажешь, я ухожу.

В низком, приятном голосе слышалось предельное раздражение, что, вполне ожидаемо, заставило старика засуетиться.

— Постой же, Сяо Чэн, я ведь просто не успел сказать! Взгляни-ка на это, а... Ой, до чего больно! Сяо Чэн, почему тебя волнуют только бумаги, а на учителя наплевать? Черствой душой мальчишка.

Старик поднялся с пола, потирая ушибленный зад, и недовольно заворчал.

— И что в итоге? Мне нужно вытащить того никчёмного наследного принца Государства Цзян и заодно свистнуть Карту рек и гор, главное сокровище страны?

Цин Чэн швырнул старик только что прочитанный свиток и отвернулся, задавая вопрос, в котором звучала лишь уверенность.

— Да-да, разве не захватывающе? Говорят, в этом Государстве Маньлин кто-то владеет колдовством — может заставить человека выборочно забыть прошлое. Разумеется, там есть и весьма занятные зелья, вроде приворотного порошка, созданного специально для мужчин. Говорят, его действие можно снять только через близость с другим мужчиной, иначе через три часа из всех семи отверстий начнется кровотечение и наступит смерть...

Старик продолжал радостно уговаривать его, но Цин Чэн уже потерял всякое терпение.

Он легко взмахнул рукой, и окно перед ним само собой распахнулось без единого звука.

— Безумный старик. «Вечерняя тоска» Июня.

С этими словами у окна не осталось и тени человека. Если бы старик не пообещал выставить напоказ картину Июня, он бы в жизни не стал с ним возиться.

— Ладно-ладно, ха-ха-ха, Сяо Чэн, учитель будет ждать твоих хороших новостей... Ой, Сяо Чэн, это же твоя комната, ты куда?

Старик посмотрел на пустой оконный проем, вздохнул, и в глубине его глаз мелькнуло жалостливое выражение. Подобыв прошение, он мгновенно расплылся в улыбке, а в его глазах заплясали хитрые расчетливые огоньки: на этот раз он сорвал поистине огромный куш.

Цин Чэн бесшумно опустился во двор и, убедившись, что это именно то место, осторожно толкнул дверь. Человек на кровати сладко спал, еще не подозревая, какая напасть на него надвигается. Убедившись в последний раз, что всё верно, Цин Чэн взвалил спящего мужчину на плечо и скрылся.

Е Цзымин в полудреме словно уловил нежный аромат рисовой каши с семенами лотоса, которую готовила матушка. До чего же ностальгический запах, казалось, будто мать обнимает его самого. Но почему-то в животе так неприятно тянуло, а в груди давило? Е Цзымин с мучением приоткрыл глаза и лишь спустя пару мгновений сообразил: его что, похитили?

— Спасите... Ай, до чего же больно! Ты кто вообще такой, зачем меня похитил?

Е Цзымин недовольно поднялся на ноги, потирая отбитый зад. В ночной темноте он толком не мог разглядеть похитителя, чувствуя лишь одно: этот человек обладает высочайшим мастерством кунг-фу, да к тому же невероятно хорош собой.

— Замолчи, жить надоело?

Цин Чэн стоял к нему спиной, слегка повернув голову, и отрывисто приказал, не сводя при этом настороженного взгляда с окрестностей. Проклятье, они ведь почти выбрались из дворца, а этот парень своими криками поднял на уши всю ночную стражу, теперь дело принимало нешуточный оборот.

Цин Чэн швырнул Е Цзымину нефритовый подвес — заказчик велел передать его, если похищенный станет сомневаться. Е Цзымин с первого же взгляда узнал вещицу, которую при жизни постоянно носила его мать.

— Не хочешь околеть — заткнись и следуй за мной.

Цин Чэн сделал пару быстрых шагов, но вскоре понял, что скорость Е Цзымина до смешного мала. Он уже собрался было развернуться и снова взвалить его на плечо, как в прошлый раз, но Е Цзымин взбунтовался: отбиваясь и пинаясь, он заголосил, что он никакой не мешок с картошкой, чтобы его таскали на горбу. Услышав приближающийся сзади топот ног, Цин Чэн отбросил все сомнения, запечатал у Е Цзымина несколько акупунктурных точек, закинул на плечо и помчался прочь.

В ту ночь покинуть столицу Маньлина Цин Чэну и его ноше так и не удалось.

<http://bllate.org/book/21940/2279381>